ВИЗУАЛЬНЫЕ ЗНАКИ АРМЕНИИ В СИБИРИ: ГОРОДСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

С. С. Аванесов

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Россия
iskiteam@yandex.ru

Материал подготовлен в рамках исполнения гранта РФФИ № 19-011-00124
«Философская автобиография как метод антропологической навигации»

В этой статье обоснованы принципы подхода к истории города как его биографии и автобиографии. Автобиография является активным творческим рефлексивным процессом, в котором автор совпадает с героем. Город может быть описан и как место творения автобиографии, и как её важнейший контекст. Более того, сам город в его историческом измерении может быть прочитан как визуальная автобиография, авторами которой являются все его жители – бывшие, настоящие и будущие. Каждый горожанин, активно формирующий культурную среду города, является автором своей и городской биографии. В эпоху сильного межкультурного обмена и влияния город растёт во времени и пространстве как динамичная мультикультурная пространственная конструкция. Я показываю на примере Томска, как армянская культура принимает участие в формировании внешнего облика и образа сибирского города. Носители армянской культурной традиции маркируют своё присутствие в Сибири с помощью визуальных знаков, которые группируются в две смысловые рубрики: вера и кухня. Каждая из этих рубрик представлена своим набором знаков, символизирующих связь определённого локального пространства, группы или рода деятельности с Арменией. Кроме того, появляется новая тема для городской визуализации: памятные знаки в честь сложившейся дружбы и сотрудничества между народами России и Армении.

Ключевые слова: городское пространство, визуальная среда, знаки идентичности, Томск, Сибирь, Армения.

VISUAL SIGNS OF ARMENIA IN SIBERIA: CITY AUTOBIOGRAPHY

Sergey Avanesov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia
iskiteam@yandex.ru

In this article the principles of approach to the history of a city as its biography and autobiography are justified. Autobiography is an active creative

reflexive process in which the author coincides with the hero. The city can be described both as a place of creation of the autobiography, and as its most important context. Moreover, the city itself in its historical dimension can be read as a visual autobiography, sponsored by all its inhabitants – past, present and future. Every citizen, actively forming the cultural environment of the city, is the author of his own and urban biography. In an era of strong intercultural exchange and influence the city grows in time and space as a dynamic multi-cultural spatial structure. Using the example of Tomsk, I show how Armenian culture takes part in shaping the appearance and image of the Siberian city. The bearers of the Armenian cultural tradition mark their presence in Siberia with the help of visual signs, which are grouped into two semantic headings: faith and cuisine. Each of these headings is represented by its own set of signs, symbolizing the connection of a certain local space, group or activity with Armenia. In addition, a new theme for urban visualization appears: commemorative signs in honor of the existing friendship and cooperation between the peoples of Russia and Armenia.

Keywords: urban space, visual environment, signs of identity, Tomsk, Siberia, Armenia.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-2-81-92

Личное участие в формировании собственного уникального «я», сопровождаемое активной рефлексией, является достаточным определением автобиографии. Фиксация результатов такой рефлексии может происходить и в феноменах памяти (стойкие образы, впечатления, переживания), и в различных по жанру письменных текстах (дневники, мемуары, прозаические записки, поэтические сочинения), и в визуальных формах (изобразительное искусство, фотография, видеосъемка). «Участность» и забота в отношении себя самого формируют жизнь как практическую автобиографию, фиксируемую на всевозможных «носителях» – вплоть до параметров и характеристик того пространства, в котором происходит эта жизнь. Город как пространственный культурный феномен, длящийся во времени, представляет собой один из возможных автобиографических контекстов.

Если же в центре нашего внимания оказывается не человек, проживающий свою жизнь в меняющихся городских обстановках и ситуациях, а сам этот город как нечто идентичное и уникальное, длящееся и становящееся, существующее сразу в прошлом, настоящем и будущем, – тогда город предстаёт перед нами как автобиографический текст. Всякий след пребывания того или иного конкретного

человека в городском пространстве прочитывается тогда как визуальное сообщение о факте биографии города; благодаря совпадению всех горожан – и бывших, и нынешних – в их едином «гражданстве» именно *город* становится адресантом всех подобных сообщений. Тем более авторство отходит к городу, если конкретный автор того или иного следа не известен никому или хотя бы не известен мне, в данный момент принимающему визуальное сообщение.

Поскольку город никогда не дан нам в его окончательной завершённости, постольку его биография всегда остаётся незаконченной, требующей регулярных дополнений и переосмыслений; поскольку же окончательная сумма его обитателей также никогда не полна и в любой момент остаётся прирастающей, постольку и автобиография города читается нами как всё ещё творимая, создаваемая. И в состав такой открытой автобиографии – именно в силу того, что она *открыта* – легко включаются феномены, имеющие совершенно разное культурное происхождение. В отличие от городских официальных и неофициальных хроник, воспринимаемых нами как нечто «отражающее» биографию города, но не совпадающее с ней (хотя этот тезис легко оспорить), сам город, напрямую открытый нашему взгляду, воспринимается как сама эта биография, «изображённая» теми, кто когда-то имел отношение к этому городу, то есть как его визуальная автобиография.

Философия города открывает нам его идею и его образ, которые отличаются от описаний эволюции его материального тела, помогают поместить город в *человеческий* контекст и обнаружить его *человеческий* масштаб [Смирнов 2019, 16]. Именно «в русле философской антропологии» мы можем «представить биографию города как единство его визуальных качеств и его мысленного образа» [Полякова 2011, 27]. Философская точка зрения на город позволяет понять соотношение стабильности образа города и динамики его облика, диалектику его идентичности и неравенства себе, нестрогую связь имени города и его территории, коммуникативную природу городского пространства.

Современный нам город существует как территория наивысшей концентрации процессов межкультурной коммуникации, точка встречи и взаимовлияния разнообразных этнокультурных идентичностей. Эти идентичности обнаруживают себя в актах визуализации, носящих (особенно в городе) подчёркнуто коммуникативный характер. Такая визуальная прагматика в условиях реального глобализма становится не только приемлемой, но и привычной,

обыденной – как выражение всё более свободной, «подвижной» локализации культур и их носителей. Совершенно естественно эта тенденция реализуется в городах Сибири, и не только в последние десятилетия «глобализации». Русская Сибирь – это изначально такое место, где пролагаются, но при этом успешно преодолеваются границы между культурами, это сфера многовековых межкультурных контактов и кросскультурных смешений.

Одной из заметных этнокультурных традиций, оказывающих влияние на облик и образ русских сибирских городов, является культура Армении. Присутствие армян в университетском Томске визуально фиксируется ещё на дореволюционных открытках (рис. 1). В советский период армянские «трудовые десанты» участвуют в освоении нефтяных месторождений в Тюменской и Томской областях, а участники этих «десантов», как правило, оседают в Сибири. Сегодня региональные отделения Союза Армян России являются одними из самых сплочённых, активных и инициативных диаспор Сибирского региона, а визуальное выражение присутствия носителей армянской культуры можно признать заметным фактором конструирования городских пространств Сибири.

Рис. 1. Типы томских студентов. Открытка. Изд. П. Н. Макушина

Речь здесь идёт, конечно, не о *заметности* самих армян в городском пространстве, а о тех *визуальных знаках*, с помощью которых репрезентирует себя армянская культура. Знак есть целенаправленно сконструированный или опубликованный конструкт (предмет, изображение), используемый с целью *передачи сообщения*. С помощью знака или что-то преднамеренно выражают (репрезентация), или о чём-то преднамеренно сообщают (информация), причём сообщение может содержать как дескрипцию (описание), так и предскрипцию (предписание). Во всём этом и заключается *коммуникативная* функция знака. Признаком присутствия армянина в коммуникативном пространстве города может служить цвет его волос или форма его носа, его акцент или способ выражения эмоций; *знаком* – его речь (для понимающих язык), его костюм, звучащая рядом с ним музыка или окружающие его изображения и предметы. О визуальных знаках присутствия армян в пространстве современного сибирского города – на примере Томска – и пойдёт речь далее.

Одна из популярных тем современной урбанологии – это «репрезентация акторов в публичном пространстве» [Вагин 2000, 9]. В состав такого рода репрезентации зачастую (хотя и не всегда и не в обязательном порядке) входит демонстрация *этнокультурной идентичности*. В Томске можно легко обнаружить такую демонстрацию, которая при этом не ограничена каким-то одним районом сибирского города, но является *рассеянной*, мультилокальной. Хорошо известен такой элемент структуры современного европейского или американского города, как *Chinatown*. В российских городах, как правило, отсутствуют этнические «геттоизированные кварталы» [Лавров 1982, 4], подобные досоветским китайским слободам Мурманска или дальневосточных городов. Визуальные знаки армянской культуры обнаруживаются всюду, где проживают и (особенно!) ведут свою деятельность армяне. Что это за знаки?

В любом списке «десяти символов Армении»¹ вы найдёте и гранат, и алфавит, и хачкар, и вращающийся крест (*аревахач*, знак вечности), и Арарат, и национальный ковёр, и государственный флаг. Именно такие символы и обнаруживаются в городском визуальном пространстве Томска, концентрируясь вокруг двух ведущих тем армянской идентичности – *веры* и *кухни*.

Демонстрация христианства как ключевого культурообразующего параметра армянской нации осуществляется в Томске посредством

¹ См., напр., <http://999stories.com/poznavatelno/10-simvolov-po-kotorym-armeniyu-uznayut-vo-vsem-mire/>; <https://justdilijanit.org/ob-armenii/armyanskaya-kuxnya-sekrety-i-mnogovekovnye-tradiczii.html>.

подчёркнуто армянского по своей архитектуре храма-часовни на южной границе города (рис. 2). Часовня освящена в 2004 году в честь святого Григория Просветителя, чем ещё более акцентирована связь здания с общеармянской историко-культурной традицией. Северный фасад храма украшает ажурный крест, по которому сверху вниз идёт надпись «301» (рис. 3), означающая официальную дату принятия Арменией христианства в качестве государственной религии.

Рис. 2

Рис. 3

Наиболее узнаваемым символом христианской Армении является хачкар (крест-камень). Один из двух томских хачкаров установлен у восточной стены часовни св. Григория (рис. 4), второй возведён в 2011 году в сквере около православного кафедрального Богоявленского собора, в историческом центре Томска (рис. 5). В дополнение к этим «стационарным» знакам этнокультурной идентичности армян в томском общественном пространстве присутствуют орнаменты в виде процветшего («армянского») креста на одежде, как правило, молодых людей.

Второй тематический слой армянской культурной символики в пространстве сибирского города сформирован вокруг еды и национальной кухни. Продукты последней – шашлык, лаваш, матна-каш – давно и прочно вошли в рацион сибиряков, получив при этом и свою визуальную (маркировочную) узнаваемость (рис. 6).

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Армянские (во всяком случае, по наименованию) продукты присутствуют во всех торговых точках Томска. Места же преимущественной локализации идентичной армянской национальной кухни – это городские специализированные кафе и особенно придорожные пункты питания, расположенные вдоль междугородных шоссе. На въезде в город с севера вас встречает ресторан «Амроц» (Крепость), на въезде с юга, со стороны Новосибирска, – кафе «Гоар» (Бриллиант). Слово «гоар» означает «сверкающий», «драгоценность», «драгоценный камень», «бриллиант», служит также женским именем; название визуализировано с помощью изображения гранёного синего камня на фасаде. Кроме того, на въездах меньшего значения расположены кафе «Армения», «Арагат» (2 шт.) и «Ани», также имеющие в своём экстерьере явные визуальные отсылки к армянской культуре.

Рис. 7

Армянские наименования практически всех перечисленных точек питания подкреплены внешними знаками, визуально подтверждающими их названия. И если внутригородские кафе подтверждают своё «кавказское» наименование («Хинкали-тун», «Шустофф» и т. п.) некоторыми значимыми элементами интерьера (репродукции картин, фотографии, напитки, предметы, буквы армянского алфавита, религиозные изображения), то «контурные» точки питания имеют такого рода знаки и внутри, и снаружи. К таким знакам относятся и окраска внешних поверхностей в цвета государственного флага (рис. 7), и портрет условного армянина

(никогда не армянки), и схематизированное изображение памятников армянской архитектуры в окружении орлов и шампуров на вывесках (рис. 8), и скульптуры львов, орлов и павлинов (рис. 9), и знак *аревахач*. И даже резное деревянное панно, украшающее веранду кафе «Гоар» и изображающее вполне славянских дудочников в козоворотках и лаптях, исполнено в стилистике традиционных армянских барельефов.

Рис. 8

Рис. 9

В интерьерах армянских кафе и шашлычных мы можем увидеть на столах скатерти с национальным узором, а на стенах – репродукции картин и фотографии, напоминающие об армянских культурных ландшафтах, к примеру, картину Мартироса Сарьяна «Армения» (1923), фотографии горы Арарат, монастыря Хор-Вирап, храма Сурб-Хач на острове Ахтамар и др. На предметах – кувшинах, тарелках, бутылках, декоративных панно, ограждениях прилавков – можно видеть изображения армянского храма, Арарата, парящего орла или виноградной грозди. В интерьере кафе «Армения» все армянские символы (включая Арарат, алфавит, Хор-Вирап, гранат, виноград и т. д.) собраны на одной фреске (рис. 10). В качестве малозаметного постороннему взгляду знака можно увидеть букву армянского алфавита на стене за спиной продавца или бармена.

Рис. 10. Интерьер кафе «Армения»

Рис. 11. Инсталляция. Кафе «Армения»

Интерьер многих кафе также декорирован с помощью предметов, намекающих на армянскую традицию; это, как правило, барабаны и нарды. Очень часто встречаются инсталляции, устроенные по принципу композиционной эклектики (рис. 11), с включением армянских предметов-символов (государственный флаг, национальный узор, орёл, гранат, грецкий орех, косточки абрикоса, гроздь винограда, коньяк, шампуры).

В последние годы визуализация присутствия армянского компонента в структуре городского пространства Томска выходит на новый уровень. Появляются не прямые визуальные отсылки к Армении, но при этом гораздо более глубокие по смыслу и по своей роли в межкультурной интеграции. Речь идёт о памятных знаках, фиксирующих сложившиеся связи России (Сибири) и Армении, ставшие уже закрепившимся в истории фондом добрососедства и опытом сотрудничества. В ноябре 2017 года состоялось открытие в Томске памятника А. В. Суворову. Таким образом была реализована первая часть инициативного культурного проекта «Имя победы Суворов», разработанного и осуществлённого силами томской армянской диаспоры. При этом важно не столько то, что мать Александра Васильевича, Евдокия (Авдотья) Федосеевна Манукова, была урождённой армянкой, а сам Суворов, таким образом, был ярким образом гражданского служения, объединившего в себе потенциал двух культур. Чрезвычайно важно, что памятник стал визуальным свидетельством благодарности армянского народа сибирякам за их помощь Армении в тяжелейших обстоятельствах природной катастрофы и тем самым – видимым свидетельством культурного единства двух народов.

Надпись на памятнике гласит: «Памятник А. В. Суворову установлен Союзом армян России по Томской области в благодарность томичам и томским строителям, участвовавшим в ликвидации последствий разрушительного землетрясения в Армении 7.12.1988 г. Настоящий монумент – напоминание грядущим поколениям о силе взаимовыручки и человечности. 24.11.2017».

Так автобиографические усилия конкретных людей создают неслучайную коллективную автобиографию сибирского города.

Город – такой «объект», которого *всегда ещё нет*. Он в любой момент ещё создается, ещё *имеет продолжение*. Поэтому никогда нельзя сказать, что в *этот* город «добавлены» чужеродные элементы: того, к чему можно что-то добавить, ещё нет как чего-то законченного. Такое «добавление» всегда есть только *культурный вклад* в создающуюся, растущую картину, которая никогда не может стать

законченной, пока город продолжает существовать. Биография города не есть его история как некоего «целостного социокультурного феномена» [Полякова 2011, 24]; напротив, отношение к городу в контексте его биографичности предполагает *отсутствие* такой целостности. Город, как «живой организм», всё время «не равен сам себе», – утверждает Ю. М. Лотман; «а жить можно только в том, что само себе не равно» [Лотман 1993, 84–85], в том, что продолжается. Город как нечто окончательное, определённое, состоявшееся есть герой некролога, а не автобиографии, которая всегда открыта, всегда ещё пишется.

Автор выражает глубокую благодарность Артуру Пилосяну за помощь в сборе материала для этой публикации

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вагин 2000 – Вагин В. В. Российские города: новые подходы к изучению // Российское городское пространство: попытка осмысления. Москва, 2000. С. 4–12.
- Лавров 1978 – Лавров С. Б. Город в современном мире // Человек и городская среда. Москва, 1982. С. 3–7.
- Лотман 1993 – Лотман Ю. М. Город и время: Интервью // Метафизика Петербурга. Часть 1. Санкт-Петербург, 1993. С. 84–92.
- Полякова 2011 – Полякова И. А. Биография города: жизнь, история, судьба // Вопросы культурологии. 2011. № 8. С. 24–28.
- Смирнов 2019 – Смирнов С. А. Городская антропология: между урбанизмом и повседневностью // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 1 (19). С. 13–31.

Материал поступил в редакцию 13.08.2018